

INSPIRIA

ЛАНА УИЛЬЯМС

ДОЧЬ СМОТРИТЕЛЯ ВОРОНОВ

INSPIRIA

Ток. Туман над Скотланд-ярдом

Лана Уильямс

Дочь смотрителя воронов

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Уильямс Л.

Дочь смотрителя воронов / Л. Уильямс — «Эксмо»,
2024 — (Ток. Туман над Скотланд-ярдом)

ISBN 978-5-04-254660-0

Расследование ведёт Скотленд? Ярд. Если верить легенде, без шести воронов в Тауэре – корона падёт... Лондон, 1883 год. В густом тумане у стен Тауэра жестоко убит смотритель воронов Эйберфорт Притчард – человек, посвятивший жизнь птицам, от которых, согласно легенде, зависит судьба британской короны. Свидетельницей убийства становится его маленькая дочь Мэйв, которая словно испарилась в ночном Лондоне. Расследовать дело берется инспектор Скотленд-Ярда Генри Филд, стремящийся восстановить репутацию после недавнего провала. Но чем глубже он погружается в обстоятельства смерти смотрителя воронов, тем яснее становится: Притчарду было что рассказать перед смертью... Спустя несколько часов Мэйв появляется на пороге дома молодой вдовы Амелии Грейстоун – женщины с необычным увлечением токсикологией, потерявшей мужа и дочь. Амелии и Генри предстоит объединить усилия, чтобы раскрыть преступление и спасти ребенка. Однако есть одно «но»: Мэйв глухонемая и не может рассказать, кто убил ее отца... Атмосферный викторианский детектив с готическим настроением, мрачными тайнами Тауэра, харизматичными героями и напряженным расследованием, где на кону оказывается не только жизнь маленькой девочки, но и безопасность всей Англии. «Тщательное расследование и прекрасное повествование». – Ирина Шапиро, автор бестселлеров Amazon «Хорошее сочетание мистики и саспенса в британском историческом сеттинге». – Goodreads

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-254660-0

© Уильямс Л., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лана Уильямс

Дочь смотрителя воронов

Серия «Ток. Туман над Скотланд-ярдом»

Lana Williams
The Ravenkeeper's Daughter

Copyright © 2024 by Lana Williams
All rights reserved.

Перевод с английского *Олега Алякринского*

© Алякринский О., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава первая

Лондон, 1883 год

Сердце Эйберфорта Притчарда бешено колотилось о ребра, и он высоко поднял фонарь, чтобы рассеять жутковатую ночную мглу. С немалой тревогой он огляделся вокруг.

Бартрам выбрал весьма неподходящее время, чтобы улететь. От Темзы, словно призракный саван, поднимался туман, отбрасывая этим холодным октябрьским вечером причудливые тени на стенах и дорожках Лондонского Тауэра. Густые клочья тумана плескались перед длинными полами куртки, которые хлопали его по ногам, словно протестуя против его быстрых шагов.

Крепче сжав фонарь, Эйберфорт устремил взгляд на высящиеся прямо перед ним ворота Средней башни, опасаясь, что она вот-вот исчезнет в тумане. То, что должно было показаться знакомым, таковым отнюдь не казалось. Даже воздух в этот морозный вечер пах странно – как влажная, солоноватая смесь серы и сажи.

– Проклятые вороны, – пробормотал он и, приблизившись к воротам, достал из кармана связку старых железных ключей. – Никогда не остаются там, где им положено находиться. Выдергивают меня из уютной теплой постели!

При этих словах изо рта у него вырвались облачка пара. Он не мог понять, говорил ли он это для того, чтобы успокоить себя или чтобы отогнать прочь беспокойных духов в этот темный поздний вечер. Мало кто стал бы спорить с тем, что в Тауэре не обитало ни одно, а то и два привидения. Он, разумеется, не стал бы. Эйберфорт был суеверным человеком, несмотря на свои сорок семь лет – или, возможно, благодаря им. Йомен-стражник, прослуживший четверть века в армии и продолжающий службу в качестве стражника Тауэра, не должен бояться темноты.

Но события этого вечера выбили его из колеи. Он успокаивал себя, внушая, что тревожиться не о чем. Он намеревался, как и всегда, сохранять самообладание. Маленькая дочка, которой было всего семь лет, ждала в его личной резиденции на противоположной стороне Лужайки¹. После того как малютка потеряла мать, умершую при родах, он оставался в ее жизни единственным близким человеком. Он надеялся, что Мэйв безмятежно лежала в кровати, где он оставил ее крепко спящей.

Если бы только этот проклятый ворон поступил так же. Бартрам был своего рода бунтарем и, как на грех, слишком уж умен. Ава, его подруга, устроила переполох, что и побудило ворона улететь.

Эйберфорт проснулся, чтобы разобраться. Аве не нравилось, когда Бартрама не было дома по ночам, и она позаботилась о том, чтобы Эйберфорт знал об этом. В последнее время кто-то вмешивался в дела его подопечных, и у него возникли подозрения относительно того, кто и почему.

Охранять воронов Тауэра было нелегкой задачей. Черные птицы отличались недюжинным умом и своенравием. Не всем йоменам-стражникам нравились эти птицы, но Эйберфорту хотелось верить, что вороны уважают его так же, как он их. Только сегодня утром Ава принесла ему крысиный хвост. Что это, если не знак привязанности? Вороны хорошо разбирались в людях и не любили некоторых. Незнакомцев просто терпеть не могли, когда те смотрели им в глаза. Не дай бог, чтобы птицы почувствовали человеческий страх. Их укусы были сильными, и Эйберфорт получил немало шрамов в те моменты, когда не обращал на них внимания.

¹ Покрытая травой площадка перед Тауэром (Тауэр-Грин), где обычно прогуливаются вороны. Некогда там проводились казни государственных преступников. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

Легенда гласила, что Карл II издал указ, согласно которому в Тауэре всегда должно обитать не менее шести воронов, иначе корона падет, а вместе с ней и Англия. Бартрам был одним из этих шестерых, поэтому Эйберфорт и пустился его искать. Ночь была опасной порой для воронов. Именно в это время они могли больше всего пострадать от коварных лисиц и подобных им хищников. В темноте было чертовски трудно найти черную птицу. Воронам по обычаю подрезали крылья, но это не означало, что они не будут слоняться по окрестностям, когда у них возникнет такое желание.

Он уже обыскал Лужайку перед Тауэром, но безрезультатно. Времени у него было в обрез, так как туман скоро поднимется настолько высоко, что скроет полную луну, лишив его возможности найти Бартрама прежде, чем это сделает лисица.

Эйберфорт отпер железную калитку и, оставив ее открытой, проскользнул внутрь. Хотелось бы надеяться, что вскоре он вернется вместе с Бартрамом. Эта птица уже несколько раз сбегала. Дважды Эйберфорт находил ворона на берегу Темзы, где прилив, как правило, выбрасывал на берег разнообразный мусор, остававшийся там лежать. Бартрам, как и большинство воронов, обожал блестящие предметы, которые были бы отлично видны, покуда на землю не опустился бы туман.

Легкое покачивание горящего фонаря придавало Эйберфорту уверенности, когда он шагал по дорожке и спускался по скользким ступеням к реке. Он старался не упасть и упустил из виду тени, которые подкрадывались к нему, как только он отводил взгляд. По мере приближения к реке запах воды становился все сильнее. Осталось пройти еще совсем немного.

Он лишь надеялся, что маленькая Мэйв не проснется в его отсутствие. Мысли о ней ускорили его шаг, и он быстро достиг кромки воды. В спешке он почти не услышал приглушенный голос, донесшийся сверху.

– Она приедет поездом.

Эйберфорт остановился, вздрогнув от голоса, который отвлек его от размышлений.

– И что дальше? – спросил другой мужской голос.

Эйберфорт опустил фонарь, осознав, что беседующие мужчины находятся на дорожке над ним. Он бы столкнулся с ними, если бы не спускался к реке по ступенькам.

К сожалению, осознание того, что не он один вышел на воздух в столь поздний час, не принесло ему облегчения. Более того, по его коже пробежали мурашки. Он убеждал себя, что их разговор его не касается, но неприятный спазм внизу живота свидетельствовал об обратном.

– Карета доставит ее с вокзала во дворец.

Сердце Эйберфорта бешено колотилось: он понял, что речь шла о королеве, хотя и не мог объяснить причину своей тревоги, учитывая, как мало было сказано.

– Вот тогда мы и начнем действовать.

В приглушенном тоне говорившего слышалась неколебимая уверенность.

В темноте прозвучало воронье карканье, словно зловещий вестник рока. Должно быть, это закаркал Бартрам, но Эйберфорт не двинулся с места. Как он мог преследовать птицу, коли тут затевалось нечто мерзкое?

Долг требовал, чтобы он что-то предпринял. Но что? За последнюю неделю он дважды замечал возле Тауэра двух мужчин, и ему тогда не понравился их внешний вид, пускай один из них был хорошо одет и даже показался знакомым. Обрывки подслушанного разговора вызвали у него подозрения, и он задался вопросом, не были ли эти двое теми же самыми людьми.

Затевать драку с ними было слишком рискованно, ведь он был один, а их двое. Возможно, на лестнице их окажется еще больше. Он надеялся подойти к ним поближе, чтобы услышать, о чем они говорят, и попытаться разглядеть их, чтобы, возможно, позже опознать.

Он погасил фитиль в фонаре, после чего поставил его на землю и выпрямился в полный рост. Тут сказала его военная выучка. Стараясь быть незаметным, он вернулся к лестнице и

поднялся наверх, держась ближе к стене. Сердце его глухо колотилось, колени подкашивались, как у испуганного ребенка.

Он напомнил себе, что здесь, в крепости, за стенами Тауэра, находилось более сотни человек, тридцать шесть из них – солдаты. Но они с таким же успехом могли бы находиться за Каналом², и пользы от них было бы не больше.

– Я бы предпочел, чтобы нам не пришлось ускорять смерть ее величества.

В низком голосе мужчины слышался ирландский акцент.

– Болезненный конец послужил бы более четким сигналом.

– Только если вы возьмете на себя ответственность.

Мужчина усмехнулся, как будто пошутил.

– Когда придет время, мы расскажем всем, кто мы такие и за что боремся.

Треск ветки заставил Эйберфорта замереть. Но не он вызвал этот треск.

– Кто здесь?

Эйберфорт ждал, уверенный, что стук бешено колотящегося сердца выдаст его. Если бы он смог подойти немного ближе, то, возможно, сумел бы разглядеть мужчин, пока те были отвлечены посторонним звуком и тем, кто – или что – его произвел.

Необходимо было установить их личности.

Он снова стал красться вперед, шаг за шагом, пока его голова не оказалась на одном уровне с верхней ступенькой. Затем он выглянул из-за каменной колонны, отмечавшей начало лестницы.

Чья-то сильная рука схватила его за предплечье и протащила остаток пути вверх, что вызвало у него панику.

– Кто это у нас тут? Шпион?

Щегольская одежда мужчины выдавала в нем джентльмена, хотя его сила свидетельствовала о том, что он вел весьма деятельный образ жизни. Его говор был четким и лаконичным. В этом говоре угадывался выпускник Оксфорда. Эйберфорт узнал этого человека...

– Немедленно отпустите меня! – потребовал Эйберфорт, держа спину прямо, как солдат, кем он когда-то и был. Он сжал кулаки, изготавившись к драке.

– Боюсь, это невозможно!

К ним присоединился мужчина, говоривший с ирландским акцентом. В одной руке он сжимал нож, и его лезвие сверкало в тусклом лунном свете, быстро таявшем в тумане.

Эйберфорт с трудом сглотнул и постарался, чтобы гнев придал ему дополнительных сил.

– Я – йомен-стражник! Отойдите!

Ирландец усмехнулся, и его крайне неприятный смешок пробрал Эйберфорта до костей.

– Ну и что с того?

– Вы подслушали частный разговор!

Джентльмен покачал головой, в его голосе прозвучало вежливое сожаление.

– Мне жаль.

– Я ничего не слышал. Я ищу пропавшего ворона из Тауэра.

Эйберфорт попытался высвободить руку, но безуспешно.

– Отпустите меня, и я пойду своей дорогой.

– Ах, если бы только вам можно было поверить. На днях я видел, как вы околачивались около Тауэра. Вы и эти надоедливые вороны.

Джентльмен кивнул ирландцу, как бы давая ему разрешение продолжать.

Эйберфортом овладел панический страх, требуя от него каких-то действий. Он ударил ирландца свободной рукой в живот и высвободился. Он переместился, балансируя на носках, и со всей силы замахнулся в сторону ирландца, но смог лишь слегка задеть его челюсть. Он

² Имеется в виду Английский канал, или пролив Ла-Манш, отделяющий Англию от Франции.

снова нанес удар, сражаясь так, словно от этого зависела его жизнь – потому как был уверен, что так оно и есть.

Первый удар ножом застал его врасплох. Лезвие прошло сквозь толстую ткань, как сквозь масло. Нож появился и исчез прежде, чем он что-либо почувствовал. От второго удара, а затем и от третьего у него перехватило дыхание. Он опустил взгляд и увидел, что лезвие по рукоять вошло ему в грудь, прежде чем нападавший успел его выдернуть. Возмущенный дерзостью нападавшего, Эйберфорт сильно ударил его по руке.

Хотя мужчина застонал от боли, лезвие сверкнуло снова. Затем еще раз.

Эйберфорт продолжал драться, но его ударам не хватало мощи, как будто силы у него были на исходе. Слабея, он впускал боль внутрь. Он уже не мог нормально дышать. То, что он считал мелкими уколами, горело так, будто эти ожоги оставил сам дьявол. Его зрение начало затуманиваться, все поплыло перед глазами. Туман ли это сгустился вокруг, или это было что-то гораздо хуже? У него подкосились ноги, и он упал на колени, изо всех сил стараясь не потерять сознания.

Затем его взгляд наткнулся на силуэт в белом на другой стороне дорожки.

Мэйв. О, Боже милостивый! Слезы наполнили его глаза, дыхание стало прерывистым, горячая кровь забурлила в глотке. Должно быть, она пришла его искать. Его милая маленькая дочка.

– *Беги*, – прошептал он одними губами, молясь, чтобы она услышала. Ее глаза округлились от ужаса, когда отца ударили еще раз и его тело дернулось от удара. Она сгорбилась, подняв плечики, и отступила в тень.

– Беги! – снова беззвучно крикнул он. Затем все погрузилось во тьму.

Глава вторая

Амелия Грейстоун осторожно насыпала в мерную ложку белое порошкообразное вещество – бикарбонат натрия, если быть точной, или пищевую соду – и разровняла его тыльной стороной лезвия ножа. Она высыпала порошок в стакан с водой и размешала, с удовлетворением отметив, что жидкость слегка забурлила. Утренний эксперимент носил практический характер и был направлен на то, чтобы найти лучший способ очистки кирпичей от сажи. День за днем Амелия наблюдала, как горничная изо всех сил скребла кирпичи камина в гостиной, чтобы удалить черные пятна гари с каминной кладки. Должен был быть более простой способ.

Сквозь высокие окна за ее длинным рабочим столом в помещение проникал ранний утренний свет.

Скромная лаборатория, которую она обустроила на чердаке, доставляла ей огромное удовольствие – и аккуратные ряды баночек разного размера, и медные весы, и воронка-фильтр, и фарфоровая ступка с набором пестиков.

В дальнем конце комнаты стоял высокий шкаф из орехового дерева, в котором хранились другие принадлежности. В противоположном конце находились полки со стеклянными сосудами, где хранились разнообразные жидкости и вещества, с которыми можно было проводить различные опыты.

Хотя Амелия отдавала себе отчет, что химия – необычное увлечение для женщины, она была обязана своей любовью к ней отцу, аптекарю, который работал в маленькой деревушке недалеко от Лондона. Однако продажа тоников и микстур от простуды для широкой публики не входила в сферу интересов Амелии. Она предпочитала заниматься токсикологией, хотя химия в любом виде ее увлекала. Сосредоточенность, столь необходимая для проведения экспериментов, помогала ей не погружаться в мрачные мысли. Несмотря на то, что Амелии было всего двадцать девять лет, она испытала немало горя в жизни.

Она и ее муж Мэттью потеряли своего единственного ребенка Лили в нежном возрасте трех лет из-за скарлатины. Эта потеря три года назад едва не сломала Амелию и поставила под угрозу ее брак.

Мэттью стал предаваться излишествам – излишне много работал, пил, играл в карты, – в то время как Амелия слишком много времени проводила в постели, не в состоянии заняться чем-то полезным. Потребовались месяцы, чтобы выползти из раковины и начать жить заново. Несмотря на то, что они восстановили подобие дружбы, которая поспособствовала их сближению, их отношения больше не были нежны и по-настоящему глубоки после того, как из-за бремена общей утраты они потеряли друг друга.

Затем, почти год назад, Мэттью был убит. Его смерть стала для нее шоком, хотя она полагала, что справилась с этим лучше, чем с кончиной Лили. Его убийство так и осталось нераскрытым, что лишь усилило ее чувство тревоги, которое до сих пор ее преследовало.

Но жизнь требовала ее активного участия, вне зависимости от того, готова она была к этому или нет. Лучшим способом справиться с ситуацией, который она придумала, стало желание найти себе постоянное занятие. Постепенно дни ее жизни становились легче, хотя и не все. Определенно не все. Но она научилась принимать их такими, какие они есть.

Сегодня был хороший день.

Перед ее локтем были выложены в ряд четыре кирпича, покрытые примерно одинаковым слоем копоти. Она намеревалась экспериментальным путем опробовать четыре разных способа очистки, чтобы посмотреть, какой из них будет работать лучше. Та часть ее души, которая ценила порядок и контроль, получала огромное удовольствие от этих экспериментов. Ведь она могла выбирать между разными веществами и идти при этом на разумный риск. Ах, если бы только жизнь была такой же! Если бы только любовь была такой!

Амелия аккуратно нанесла жидкость на закопченный кирпич, слегка потерев поверхность. В конце концов, ее цель состояла в том, чтобы не прилагать усилий и не оттирать сажу с кирпича. Затем она перешла к следующему способу очистки – истолченной скорлупе утиных яиц, смешанной с лимонным соком. Этот вариант оказался гораздо менее практичным.

Яичная скорлупа размазывала грязь, хотя и обладала в некотором роде абразивными свойствами. Тем не менее, она нанесла смесь на следующий кирпич, уже будучи уверенной, что это не самый лучший вариант. Затем она использовала карбонат аммония, хотя исходивший от него сильный неприятный запах делал раствор малоприменимым для применения. Наконец, она использовала смесь бикарбоната натрия и уксуса. Результат проявился почти мгновенно, и она удовлетворенно улыбнулась. Хотя запах был немного едким, в итоге опыт оказался куда более благоприятным по сравнению с другими.

– Миссис Грейстоун?

Амелия оторвала взгляд от ряда мензурок и перегонных кубов и увидела в дверях миссис Фернсби, свою экономку.

– Да?

– Извините, что беспокою вас, но, боюсь, у нас неожиданный гость.

– Да что вы? И кто это?

Амелия знала, что пришел, вероятно, важный гость, иначе ей бы не помешали. Прислуга избегала тревожить ее, когда она уединялась в своей лаборатории, за исключением случаев крайней необходимости. Слуги уважали ее потребность в тишине, когда она проводила научные эксперименты. Фернсби выполнял в ее доме обязанности дворецкого, а его жена – экономки. Пара жила вместе с горничной и кухаркой. Численность прислуги казалась слишком большой для одинокой госпожи, но их наем давал Амелии свободу заниматься тем, что ее интересовало.

Ее благодарность Мэттью за то, что тот оставил ей достаточно денег, чтобы она могла делать все, что только пожелает, пускай и в разумных пределах, была безмерной. Но это не уменьшало ее горя и не уберегало от тревожных вопросов, связанных со смертью. И не приносило утешения во мраке ночи, когда она мучилась бессонницей. Миссис Фернсби нахмурила брови, но в остальном выражение ее лица оставалось непроницаемым.

– Возможно, лучше, если бы вы сами посмотрели.

Теперь Амелия была заинтригована. У нее редко бывали посетители, тем более в столь ранний час. Тот факт, что именно миссис Фернсби, а не ее муж, пришла сообщить ей о госте, также вызвал у нее недоумение. Но, возможно, она придавала слишком большое значение подобным мелочам.

– Очень хорошо!

Она сняла белый фартук, который носила в лаборатории, и последовала за миссис Фернсби, на мгновение остановившись, чтобы повесить фартук на крючок у двери. Экономка была невысокой, полной, трудолюбивой женщиной с седыми волосами. Она была строга и требовательна. Она многого ожидала от персонала, но не меньше и от себя самой. Ее муж благоразумно соглашался со всеми ее пожеланиями. Вместе они были незаменимы.

Амелия спустилась вслед за экономкой по лестнице. Ее спальня находилась в передней части дома, рядом с двумя гостевыми комнатами. Комната мистера и миссис Фернсби располагалась в задней части. Амелия прижала руку к сердцу, чтобы унять постоянно возникавшую боль, когда они проходили мимо маленькой спальни, которая некогда принадлежала Лили, но теперь пустовала и дверь в нее была закрыта.

Они продолжили спускаться по следующему лестничному пролету. Любопытство Амелии росло с каждой минутой, когда они миновали гостиную, прежде чем спуститься еще на один пролет. Они прошли через вестибюль и крошечную приемную, где обычно хозяйку дожидались гости, если у нее вообще бывали гости.

Однако миссис Фернсби не остановилась там. Вместо этого она направилась по коридору в заднюю часть дома мимо кабинета Мэттью. Амелия взглянула на дверь, когда они проходили мимо, уже не в первый раз подумав, что ей следовало бы самой занять этот кабинет.

Иногда она использовала его для написания статей и заметок о своих экспериментах, но незримое присутствие Мэттью по-прежнему омрачало это помещение. Поначалу находиться в окружении его вещей было приятно, но с некоторых пор ее перестало посещать это теплое чувство. Было ли это из-за того, что она переживала свое горе, или из-за вопросов, которые у нее возникали не только о его смерти, но и о жизни, которой он жил до этого, она не знала. Возможно, и то и другое. Как она слишком часто говорила себе, сейчас не время беспокоиться о таких вещах.

Миссис Фернсби продолжала спускаться по последнему лестничному пролету, ведущему на кухню и в комнату кухарки, чем еще больше разожгла любопытство Амелии. Надеясь вскоре получить ответы на все свои вопросы, она хранила молчание, но не смогла скрыть удивления, когда экономка направилась к служебной двери для доставки. Амелия заметила озабоченное выражение на лицах кухарки и горничной Иветты и вышла вслед за экономкой на свежий утренний воздух.

Как и во всех домах из красного кирпича на Блумсбери-стрит, служебная дверь была частично расположена ниже уровня земли. Низкие кованые ворота, от которых спускалась лестница к служебной двери, куда доставляли посылки, были закрыты, и там на нижней ступеньке сидела, съевшись, маленькая фигурка, фигурка в белом. От осознания того, что это была девочка в длинной ночной рубашке, у Амелии перехватило дыхание. На какое-то мгновение ее мозг пронзила мысль, что это Лили.

Но конечно же, это была не Лили.

Девочка уронила головку на сложенные на коленях руки. Ее пепельно-каштановые волосы были неряшливо заплетены в длинную косу, спускавшуюся чуть ниже ее плеч. Амелию охватило смутное чувство узнавания. Она прошла мимо экономки и приблизилась к девочке на ступеньках, протянув руку, чтобы нежно коснуться ее плеча.

– Мэйв? – она не знала, зачем назвала девочку по имени.

Мэйв была глухонемой. От ее прикосновения Мэйв напряглась, подняв головку, и Амелия увидела ее заплаканное лицо и округлившиеся от страха карие глаза.

Сердце Амелии сжалось при виде испуганной девочки, и она тут же раскрыла объятия, надеясь, что этот особенный ребенок примет ее предложение об утешении. После минутного колебания Мэйв приникла к Амелии и крепко ее обняла, обхватив за шею.

Неожиданное проявление нежности еще больше растрогало Амелию, хотя она едва знала этого ребенка – она познакомилась с Мэйв всего неделю назад, когда брала интервью у смотрителя воронов Лондонского Тауэра для журнальной статьи. Общение с маленькой девочкой было, что называется, горько-сладким; ей было примерно столько же лет, сколько было бы сейчас Лили, если бы та выжила. Вот отчего у Амелии застрял ком в горле с того самого момента, как смотритель воронов Притчард познакомил ее со своей семилетней дочкой.

– Я не могу себе представить, что привело ее сюда в таком состоянии, – заметила миссис Фернсби.

– Я тоже не могу. Полагаю, она вспомнила посещение моей лаборатории.

Амелия сразу почувствовала жалость к Мэйв, запертой в своем беззвучном мире, и попыталась тогда установить с ней контакт. В ходе беседы она упомянула о своей лаборатории йомену-стражнику Притчарду, и тот объяснил это Мэйв. Девочка проявила живое любопытство, поэтому на следующий день Амелия пригласила их обоих к себе домой, чтобы провести для них ознакомительную экскурсию.

– Ее лицо просияло, когда она увидела мензурки, стеклянные пробирки и тому подобное, – добавила Амелия.

– Визит, должно быть, произвел на нее сильное впечатление! – миссис Фернсби не сводила глаз с девочки.

В тот раз Амелия показала Мэйв, как провести пару простых опытов. Сначала они заставили воду подняться в неглубокой миске: зажгли короткую свечу и опустили на нее стакан. Затем они заставили изюминки танцевать в стакане с раствором бикарбоната натрия и уксуса. Восторг девочки и гордость ее отца за то, что малышка помогала в химических опытах, убедили Амелию, что она поступила правильно.

– Не могу даже представить, что случилось!

Амелия долго не выпускала из объятий плачущую девочку, ее встревоженный взгляд встретился со взглядом экономки, которую охватило такое же беспокойство. Худенькое тельце Мэйв сотрясали судорожные рыдания, усиливая смятение Амелии. Напомнив себе о том, что девочка ничего не слышит, Амелия попыталась отстраниться от малышки, чтобы поговорить с ней, но Мэйв крепко обхватила ее ручками. Подождав еще минуту или две, она слегка отстранилась от девочки, чтобы взглянуть ей в лицо, и убрала прядь волос с ее лба. Амелия коснулась пальцем ее маленького подбородка, надеясь поймать взгляд девочки.

– Что случилось?

Она произносила слова медленно, чтобы Мэйв могла прочесть по губам, но девочка только покачала головой, ее лицо исказила гримаса, когда она продолжала плакать. Амелия снова обняла ее, раскачиваясь взад-вперед, снова и снова шепча «и-и-и», хотя и знала, что девочка ее не слышит, и надеялась, что ее ласка успокоит Мэйв настолько, что девочка сможет каким-то образом поделиться с ней тем, что произошло.

Через несколько минут Мэйв судорожно вздохнула. Амелия искренне надеялась, что в любом случае с ней стряслось нечто не слишком ужасное. Что-то, что было в ее силах разрешить. Она отбросила воспоминания о Лили и тот факт, что тогда она не сумела ей помочь. Она моргнула, чтобы словно затолкнуть куда-то поглубже свою душевную боль, затем отстранилась и снова посмотрела в карие глаза девочки.

– Ты заблудилась?

Ну пожалуйста, пусть это и будет возникшей проблемой! Она с радостью проводила бы девочку обратно к отцу в Лондонский Тауэр.

Но этот вопрос вызвал только новые слезы. Как только девочка снова успокоилась, Амелия встала и указала на дверь.

– Давай зайдем в дом.

Она подождала, пока девочка обдумает ее просьбу. Мэйв медленно поднялась, обнажив босые ножки, покрытые коркой грязи. Экономка цокнула языком, разглядывая пальчики на ее ножках:

– Она, должно быть, гуляла полночи, коли у нее такие чумазные пальцы на ногах!

Амелия кивнула. Такая же мысль пришла и ей в голову.

– Пожалуйста, попросите мистера Фернсби, чтобы он сообщил ее отцу. А мы пока ее успокоим и найдем для нее сменную одежду. Она, верно, проголодалась. После еды она, возможно, сможет помочь нам понять, что с ней стряслось.

Миссис Фернсби кивнула.

– Мне кажется, чем быстрее мы вернем ее отцу, тем лучше. Он, должно быть, ужасно волнуется.

Экономка открыла дверь, и Амелия проводила девочку на кухню.

– Я уверена, что вы правы.

Но Амелия опасалась, что события, так глубоко потрясшие девочку, еще не закончились.

Глава третья

Инспектор Скотланд-Ярда Генри Филд шел рядом с сержантом Адамом Флетчером к Лондонскому Тауэру, сожалея, что тело не было обнаружено где-нибудь в другом месте. Ему не слишком нравилась эта зловещая крепость.

Возможно, кто-то и считал Тауэр зеленым оазисом в центре Лондона, но Генри чувствовал себя здесь неуютно. Он списывал это чувство на склонность своего отца рассказывать истории о привидениях, когда Генри был маленьким, особенно историю о двух принцах, запертых в Тауэре³. Мысль о том, что мальчики его возраста могут быть убиты теми, кто должен был заботиться о них и защищать, в детстве вызывала у него кошмары. Час был ранний, а воздух казался чересчур холодным даже для октября. Туман все еще стелился в низинах, словно старуха, подслушивающая из тени.

– Что нам известно из отчета констебля? – спросил Генри.

В конце концов, он и сам лично поговорит с констеблем, но ему не терпелось начать расследование. Это было первое значимое дело, которое ему поручили за последние недели, и ход его расследования, ясное дело, будет находиться под неусыпным вниманием. Тем больше было у него причин поскорее разобраться в ситуации.

– Тело выловили из Темзы около двух часов назад, – нахмурился сержант. – Его обнаружил случайный парень, и, должен сказать, тело изрядно искромсали ножом.

Адам Флетчер был на шесть лет старше Генри, которому исполнилось тридцать два года, и его долгая служба в полиции, равно как и десять лет воинской службы, сделала из него отличного офицера. И мало что могло вывести этого человека из равновесия. Однако, когда Генри взглянул на него, импозантные каштановые усы Флетчера снова дернулись, и это свидетельствовало о том, что выловленное из воды тело действительно было в жутком состоянии.

Генри нахмурился, но не замедлил шага. Он восемь лет проработал констеблем в отделе С⁴ на севере Лондона. Два года назад его повысили до инспектора – по мнению некоторых, это был быстрый карьерный рост. И все же ему довелось стать свидетелем немало числа неприятных зрелищ. Он надеялся, что продвинуться по службе ему помогли отличные навыки следователя, но, когда твои отец и дед были уважаемыми старшими инспекторами, велика была вероятность, что на твое быстрое продвижение по службе в лондонской полиции повлияли не только собственные способности.

– Вы ведь не волнуетесь, правда? – спросил Флетчер, еще раз взглянув на него.

– Это дело, может быть, удастся сразу закрыть.

– Будем надеяться.

Хотя Генри в этом сомневался – особенно после его провала с предыдущим делом.

– Одно нераскрытое убийство – это не страшно. Кроме того, там не имелось никаких зацепок. Это был стопроцентный висяк. Никто не смог бы справиться лучше.

– Я думаю, мой отец смог бы. И мой дед тоже.

Он оказался слабым звеном в цепи и не мог себе этого простить. Сколько он себя помнил, он всегда мечтал стать инспектором полиции. Это желание зародил в нем его дедушка, знаменитый Чарльз Фредерик Филд, известный не только своей блестящей карьерой, но и дружбой с Чарльзом Диккенсом. Отец Генри пошел по стопам своего отца, и оба были в восторге, когда и Генри решил выбрать эту стезю.

³ В конце XV века сыновья короля Англии Эдуарда IV были заключены в Тауэр под протекцией их дяди Ричарда Глостера, который позже вззошел на трон. Дальнейшая судьба принцев осталась неизвестной; наиболее вероятный исход – убийство. – *Прим. ред.*

⁴ Отдел С лондонской полиции в описываемое время отвечал за уголовные расследования.

– Ни одной улики, – пробормотал сержант. И впрямь висяк.

– Угу.

Что правда, то правда. Генри приложил немало усилий, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки и с помощью Флетчера найти ключ к разгадке, но все было безрезультатно. Полный тупик.

– Это дело будет другим, – добавил Флетчер.

– Возможно.

Он стремился реабилитироваться за неудачное расследование, и это дело могло дать ему шанс. Глубоко вздохнув, чтобы прочистить мозги, он последовал за массивной фигурой Флетчера, облаченной в полицейский мундир, к Лестнице королевы⁵, но остановился, когда его взгляд упал на тротуар.

Ночью прошел дождь, но дождевая вода не смогла полностью смыть пятно крови. Генри присел на корточки и заметил следы кровавых брызг на каменной стене, окаймлявшей тротуар. Как жаль, что дождь их размыл. Тем не менее, какая-то закономерность была видна, и это не предвещало ничего хорошего.

– Полагаю, можно с уверенностью сказать, что человек был убит здесь, – пробормотал Флетчер.

– Похоже на то, – Генри медленно поднялся, изучая местность, но больше не смог различить никаких следов. – Дождь смыл все улики. Я еще раз посмотрю повнимательнее, когда увижу жертву.

Верхнюю ступеньку охранял констебль. Когда молодой человек, на вид лет двадцати, открыл рот, чтобы отчитаться, Генри прервал его взмахом руки.

– Нет, пока я не увижу тело.

– Да, сэр!

Генри едва не улыбнулся, увидев, как старательно этот констебль держался спиной к месту происшествия.

– Отлив продлится недолго, – напомнил ему Флетчер. – Нам придется поторопиться.

Как бывший матрос Королевского военно-морского флота Ее Величества, он был экспертом в таких вещах. Генри замедлил шаг, когда они спустились по лестнице. На каменных ступенях осталось несколько пятен крови, хотя дождь и их тоже почти смыл. Он поднял взгляд, чтобы осмотреться вокруг. Неподалеку возвышалась темная громада Тауэра. Туман по большей части рассеялся, но несколько его завитков все еще тянулись к берегу с Темзы, изо всех сил цепляясь за водную гладь. Тучи нависли над городом и, судя по всему, не собирались расступаться перед утренним солнцем.

Его внимание привлек слабый аромат моря, который принес долгожданное облегчение от вездесущего смрада сажи. Когда он добрался до кромки воды, где волны мягко плескались об узкий берег, мимо проплыл пароход «Красавица Темзы», курсировавший между Лондоном и Ипсвичем.

Как интересно: жертву сбросили в реку близко от места убийства. Очевидно, тот, кто его убил, не предпринял особых предосторожностей, чтобы тело не всплыло на поверхность. Это само по себе могло служить ключом к разгадке. Генри было невыносимо думать о тех мертвецах, кого река так и не выдала и, следовательно, они так и не дождались торжества правосудия.

– Вот мы и на месте, – сказал Флетчер, когда они достигли усыпанного галькой берега. Жертва лежала лицом вверх – веки сжаты, кожа бледная, рот приоткрыт. Его длинная коричневая куртка была изрезана во многих местах, полы распахнуты, под ними виднелась простая

⁵ Одна из трех лестниц, ведущих в Тауэр от Темзы. По этой лестнице Анна Болейн вошла в Тауэр, чтобы быть там казненной.

белая рубаха. Только когда Генри приблизился, он увидел, что горло мужчины было рассечено почти от уха до уха, а на лице застыла жуткая улыбка смерти.

– Судя по его виду, убит недавно, – пробормотал Генри. Он присел на корточки, чтобы получше рассмотреть труп. – Возможно, ему было от сорока до пятидесяти с небольшим.

Морщины испещряли кожу вокруг глаз и на лбу. Его каштановые волосы были коротко подстрижены, лицо чисто выбрито, за исключением длинных бакенбардов.

– Военный?

– Это мне тоже пришло в голову.

Флетчер кивнул, не отрывая взгляда от тела и прищурившись.

– Так много порезов. С какой целью?

– Зависит от того, были ли они нанесены до или после того, как ему вспороли горло.

Зияющие раны казались еще ужаснее из-за отсутствия крови. Видеть розовую плоть под кожей было еще страшнее, когда разрезы были настолько глубокими, что обнажили внутренние органы. В одной из ран посередине виднелись кишки.

– Хм, – сержант нахмурился, словно обдумывал возможные варианты. Генри изучил изрезанную плоть, заметив на коже жутковатый узор, как будто раны были нанесены с удовольствием. Он поднял руку мертвеца. Сломанный ноготь и длинный порез на ладони тянулся от основания указательного пальца до противоположной стороны кисти.

– Похоже, он пытался защититься.

Генри поднял руку ладонью вперед, пытаясь представить себе эту сцену.

– Он столкнулся со своим убийцей лицом к лицу и защищался.

– Да. Судя по содранным костяшкам его пальцев, он, должно быть, нанес пару ударов.

Генри с помощью Флетчера перевернул тело на бок.

– На куртке нет других порезов, кроме тех, что были нанесены спереди.

– Возникает вопрос каким ножом воспользовался убийца?

– С длинным лезвием. Должно быть, оно было исключительно острым.

Генри отпустил тело, дав ему вернуться туда, где оно лежало, и приподнял лохмотья рваной рубахи, чтобы лучше рассмотреть грудь. Порезы действительно были многочисленными, их глубина свидетельствовала о том, что целью напавшего было именно убийство. Кровь измазала большую часть ткани. Вернее, так оно и было, пока речная вода не размывала труп, оставив бледно-красные следы вокруг разрезов.

– Учитывая количество нанесенных ему ран, он, вероятно, сильно истек кровью, прежде чем его сбросили в реку.

Хотя Генри не всегда делился своими наблюдениями вслух, ему нравилось это делать в присутствии Флетчера. Логика сержанта была всегда полезной, и это позволяло быть уверенным, что они оба работают с одними и теми же зацепками. Флетчер подошел к ногам жертвы.

– На каблуках башмаков обнаружены царапины, чего и следовало ожидать, поскольку его волокли вниз по лестнице к воде.

Генри оглядел сужавшуюся береговую линию, сделал несколько шагов назад и вперед по влажной гальке, оценивая обстановку. Фонарь стоял высоко на берегу, но на гравии не было видно никаких следов.

– Вы сказали, что его нашел какой-то парень? – спросил Генри, снова опускаясь на колени рядом с убитым и изучая землю вокруг, но не заметив ничего интересного.

– Уличный мальчишка сообщил констеблю, где лежит тело.

Флетчер поморщился.

– Мальчишка спустился к реке, чтобы умыться, и обнаружил то, на что не рассчитывал.

– Неудачное начало утра.

– Нам лучше поскорее перенести его отсюда, – заметил Флетчер, глядя на поднимающуюся воду в реке.

– Да, – согласился Генри, после чего подхватил мужчину за плечи и подождал, пока Флетчер поднимет жертву за ноги.

Кряхтя под тяжестью своей ноши, они поднялись по лестнице, но только когда они были почти на самом верху, к ним поспешил констебль.

– Нужна помощь? – спросил Стивенс.

Он остановился в добром футе от тела, и это свидетельствовало, что он не горел желанием помогать им.

– Возьми его за ступню, пожалуйста, – распорядился Флетчер, и в его глазах блеснула искорка веселья, когда он встретился взглядом с Генри.

– Угу. Да. Хорошо! – Констебль протянул вперед руки, но только для того, чтобы отвести их назад, прежде чем, наконец, осторожно ухватился за ногу мертвеца.

– Обхвати его за ступню и подними, – потребовал Флетчер. Генри едва не покачал головой в ответ на настойчивость Флетчера, но такие задания были обычным делом для новичков в полиции. Он и сам испытал это на себе. Стивенсу нужно было привыкать к подобным поручениям, если он хотел остаться при своей должности.

Стивенс схватился покрепче за ногу и перенес часть веса трупа на Флетчера, старательно избегая смотреть на жертву. Сделав еще несколько шагов, Генри решил, что тротуар – самое подходящее место для того, чтобы положить тело. В этот час там было пустынно, и трое полицейских опустили труп на землю.

Возобновив осмотр, Генри насчитал примерно одиннадцать колото-резаных ран, прежде чем решил позволить хирургу найти их все. Сделать это будет проще, если снять одежду.

Куртка на мужчине была из обычной ткани, и на ней почти ничего нельзя было различить. Одежду под ней, возможно, надели в спешке, так как рубаха была частично распахнута, но это могло произойти во время борьбы. Он снова приподнял рубаху, обратив внимание на кровавый узор и диагональное направление разрезов. От верхней части правого плеча к нижней левой части живота. От верхней части левого плеча к нижней правой части живота. Хирург должен быть в состоянии определить, какой удар был нанесен первым, а какой оказался смертельным.

– Тело обнаружил уличный мальчишка?

Он взглянул на Стивенса, прежде чем вернуться к осмотру.

– Да, сэр. – Стивенс отошел от жертвы, судорожно сглотнув. – Он сказал, что на рассвете спустился к реке, чтобы умыться, и увидел лежащее у берега тело. Я выволок его из воды.

– Кто бы ни бросил тело, он опустил его в воду не слишком глубоко, иначе мертвеца утащило бы вниз по течению. И, похоже, убийца не использовал никакого груза, чтобы утопить тело, – сделал вывод Флетчер.

Генри кивнул. Часто к жертве привязывали что-нибудь тяжелое, чтобы быть уверенным, что труп не всплывет на поверхность. Что это говорило об убийце – о его беспечности или уверенности в себе – еще предстояло выяснить.

– Мальчишка больше ничего не видел?

– Нет, сэр. Я могу найти его снова, если понадобится. Я часто встречаюсь с ним, например на своем дежурстве.

Генри похлопал мертвеца по одежде и нащупал связку ключей во внутреннем кармане куртки.

– Нам нужно выяснить, что они открывают.

Судя по размеру и форме, универсальные ключи были старыми. Он бросил связку Флетчеру.

– Эти ключи представляли для него важность, учитывая, где он их хранил.

Обратив внимание на большой внешний карман, он заглянул в него, но не смог определить, есть ли там что-нибудь. Он сунул руку внутрь и нащупал бумажный листок. Осторожно, надеясь, что мокрая бумага не порвется, он вытащил листок и развернул.

– Что за газетенка? – спросил Флетчер.

– «Джастис»⁶. Не могу сказать, что слышал о чем-то таком.

Генри пробежал глазами несколько слов из заголовка, которые еще можно было разобрать.

– Это политическая группа, как можно предположить.

– Возможно, мы сможем прочесть больше, когда она высохнет.

Флетчер осторожно взял листок, который Генри протянул ему. Генри закончил рыться в кармане, но больше ничего не нашел, поэтому он встал и обошел тело, чтобы ощупать второй карман куртки. Но осмотр темного кармана не дал никаких подсказок, поэтому он сунул руку внутрь и замер, когда его пальцы коснулись чего-то влажного и бугристого. Он знал, что ему это не понравится, но все равно вытащил.

– Что это? – спросил Стивенс хриплым от отвращения голосом.

– Мясо! – воскликнул Флетчер.

– К-кусочек его тела? О Боже!

Ужас, прозвучавший в голосе Стивенса, передался Генри. Явно ошеломленный этой идеей, констебль сделал два шага, прежде чем наклонился, чтобы опорожнить свой желудок. Звуки рвоты никогда не были для него приятными, и Генри частенько хотелось последовать примеру того, кого рвало в его присутствии.

Но он был опытным полицейским и подавил свой невольный позыв, изо всех сил стараясь оставаться объективным и не отвлекаться на детали. Куски сырого мяса были небольшими, размером примерно с шиллинг, и нарезаны аккуратными квадратами. Он приподнял рубаху, чтобы рассмотреть тело поближе, но не увидел ран, которые соответствовали бы маленьким розовым ошметкам мяса на его ладони, и с облегчением вздохнул.

– Я так не думаю. – Он снова обратил внимание на карман, собираясь с духом, чтобы выудить оттуда остатки мяса. Вскоре он держал в руках несколько кусочков.

– Не могу представить, зачем ему понадобилось таскать их с собой.

По прищуренным глазам Флетчера стало ясно, что зрелище встревожило его почти так же, как Стивенса.

– Возможно, он работал с дикими животными или вроде того, – предположил Генри. Куски мяса беспокоили его меньше теперь, когда оказалось, что их не вырезали из человеческого тела.

Флетчер, как всегда расторопный, предложил чистый носовой платок, и Генри завернул в него мясо, а затем положил в свой карман, надеясь, что ему не придется оставлять его там надолго. Внимание Генри снова привлек Тауэр. Крепость не откроют для публики еще в течение нескольких часов, и ворота были закрыты, но, конечно, их троича могла привлечь чье-нибудь внимание.

– Стивенс, попробуй установить, сможет ли кто-нибудь в Тауэре опознать этого человека?

– Конечно, сэр! – Стивенс поспешил уйти, явно радуясь, что его не упрекают в проявленной слабости и что у него есть чем заняться – к счастью, подальше от трупа.

– Есть какие-нибудь предварительные соображения? – осведомился Флетчер.

– Тот, кто убил его, либо сильно злился, либо получал огромное удовольствие, орудуя ножом. Не похоже на простое ограбление. Это точно!

Генри больше ничего не сказал, не желая делать предположений. Ведь так и совершались ошибки. Он намеревался не торопиться с этим делом и следовать процедуре настолько тщательно, насколько это возможно. Он не потерпит неудачу снова.

Вскоре Стивенс вернулся, приведя с собой старшего йомена-стражника, которого можно было узнать по его характерной темно-синей униформе с красной отделкой и круглой тюдору-

⁶ Справедливость, правосудие (англ.).

вой шляпе в тон униформе. Беспокойство на лице мужчины говорило о том, что он действительно может опознать их жертву.

– О, нет! – Стражник покачал головой и замедлил шаг, не отрывая взгляда от тела. На его лице отразились ужас и печаль. – Только не это!

– Вы знали его? – спросил Генри, довольный тем, что получил ответ так быстро, хотя и соболезновал утрате этого человека. Он не раз бывал свидетелем большого горя, и все реагировали на него по-разному. Для кого-то осознание утраты происходило медленно, как моросит холодный дождь весенним днем. Для других это было похоже на бурный поток, грозящий их утопить. Под его тяжестью могли сломаться даже самые стойкие.

– Эйберфорт Притчард. Смотритель воронов.

С этими словами старший йомен-стражник в знак уважения снял с головы круглую шляпу, обнажив аккуратно причесанные волнистые седые волосы.

– Смотритель воронов? – переспросил Флетчер, когда Генри встал.

– Да, йомен-стражник, которому поручено присматривать за воронами в Тауэре, – пояснил мужчина, не отрывая взгляда от мертвеца. – Конечно, у него есть помощники, но он самостоятельно отвечает за птиц.

Генри знал о воронах, которых издавна держали в Тауэре, но не задумывался о том, кто бы мог за ними ухаживать. Это объясняло наличие кусочков мяса, хотя ему все равно казалось странным, что смотритель держал их в кармане куртки.

– Никому не пожелаю помереть йоменом-стражником, – пробормотал он.

– Прошу прощения? – Генри услышал его слова, но не был уверен, верно ли он их понял. Мужчина покачал головой, словно был слишком убит горем, чтобы объяснять.

– А что произошло? – спросил он и ахнул, подойдя на шаг ближе и увидев перерезанное горло Притчарда. Это было невозможно не заметить. – Боже милостивый! – Он схватил себя за шею, словно защищаясь.

– Его убили, – сообщил Генри, констатируя очевидный факт. – Вы можете назвать какую-либо причину, почему или кто мог бы это сделать?

Мужчина несколько раз моргнул, затем перевел взгляд на горизонт и снова взглянул на мертвеца, словно не веря своим глазам.

– Нет. Он был безобидный, тихий. Вдовец с маленькой дочкой. – Он в смятении прижал руку ко рту. – Бедняжка Мэйв! – Он уставился на Генри широко раскрытыми глазами. – Мы искали ее и Притчарда почти полчаса.

– Какого она возраста?

– Ей всего семь лет. Мы нигде не можем ее найти. Это ужасно. Потеряла мать, а теперь и отца, который мог бы присмотреть за ней.

Это действительно было ужасно. Стала ли она свидетельницей убийства и спряталась из-за того, что увидела? Или ее постигла та же участь, что и ее отца? На данный момент его не оставляла надежда, что ее найдут и она сможет им что-то рассказать.

– Ваше имя, сэр? – осведомился Генри.

– Кристофер Уоллес. Старший йомен-стражник.

Отлично! Генри не хотел чересчур уповать на свои надежды, но дело уже раскручивалось просто отлично.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Разумеется. Спрашивайте все, что угодно, я хочу помочь.

Генри приблизился к Уоллесу, чем заставил старшего йомена отвести взгляд от тела. Он хотел, чтобы тот сосредоточился на его вопросах, а не на теле своего друга. Достав блокнот и огрызок карандаша, Генри записал имя и должность этого человека.

– Где жил Притчард?

– В Тауэре. У нас же у всех имеются отдельные квартиры, расположенные за окнами вдоль внешних стен⁷.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Вчера вечером. В пабе Тауэра. Мы собираемся там почти каждый вечер после смены, чтобы пропустить пинту-другую.

– Есть какие-нибудь предположения, почему он мог покинуть Тауэр прошлой ночью?

Уоллес нахмурился и покачал головой.

– Должно было произойти какое-то необычное происшествие, что и вынудило его оставить Мэйв одну. Возможно, это как-то связано с воронами. Иногда кто-то сбегает. Он был предан воронам.

– А что, какие-то вороны пропали?

– Я не знаю. Надо проверить.

– Пожалуйста, сделайте это. И чем скорее мы найдем его дочь, тем лучше.

Генри охватило нетерпение: надо ковать железо, пока горячо! Девочка могла стать ключом к раскрытию убийства – но только в том случае, если ее найдут.

⁷ Имеется в виду жилье, обустроенное для служителей Тауэра в бывших тюремных казематах.

Глава четвертая

– Не смотрите птицам в глаза. Они, знаете ли, не любят незнакомцев.

Генри оторвал взгляд от ворона, сидевшего на соседнем заборе, и кивнул Фрэнку Дэниелсу, йомену-стражнику, который иногда помогал Притчарду присматривать за птицами в Тауэре. Они стояли на южной части Лужайки, где вприпрыжку бродили вороны.

Старший йомен-стражник Уоллес отправился сообщить прискорбное известие о смерти Притчарда лейтенанту Тауэра, который затем должен был сообщить об этом констеблю Тауэра.

Генри предположил, что в какой-то момент ему придется навестить одного из них или обоих. Затем Уоллес намеревался продолжить поиски малолетней дочки Притчарда, оставив Генри допрашивать стражников, которые встретятся ему на территории крепости. Дэниелс был последним из них.

Тело Притчарда доставили на тележке в больницу Святого Томаса для проведения вскрытия. Генри намеревался узнать как можно больше, откуда он будет ждать завершения вскрытия. Дэниелс, тучный мужчина, ростом чуть выше Генри, в ком было шесть футов, и с грудью размером с дубовую бочку, тяжело воспринял известие о смерти Притчарда. Было ли это из-за того, что у него прибавилось работы, или из-за того, что он будет скучать по смотрителю воронов, осталось неясным. Мужчина продолжал горестно качать головой.

– Неудивительно, что птицы были так встревожены этим утром.

– Откуда вам это известно?

Он взглянул на воронов.

– Они беспокойные. Обычно птицы расхаживают с важным видом. Вместо того они сейчас подпрыгивают и порхают. Определенно с ними что-то не так.

Генри рискнул взглянуть на черных птиц еще раз. Он не понимал, почему его так завожили эти вороны. Не то чтобы он не видел их раньше. Любой, кто жил в Лондоне, много раз видел этих крупных птиц. По крайней мере, издали. Возможно, увидев их вблизи и подумав о том, что Притчард заботился о них, он изменил свое отношение к ним.

– Мы считаем, что тауэрские вороны необычайно умны, – сказал Дэниелс, взглянув на одного из них почти с нежностью. – До тысяча восьмисотого года их в городе было в изобилии. Но люди считали их вредителями и разносчиками болезней, поэтому на них усиленно охотились по всей Англии. Постепенно они вернулись в Лондон, так как местные жители стали относиться к ним менее враждебно. Теперь вороны – одна из главных достопримечательностей Тауэра!

– А они, оказывается, крупнее, чем я думал.

Возможно, их внушительный вид был обусловлен густым оперением на шее, которое напоминало мех.

– Это крупные птицы. Размах их крыльев может достигать четырех футов.

– Кого-нибудь не хватает?

– Одного. Бартрама, – заметил Дэниелс, оглядываясь в поисках птицы. – А вот это Ава, его подруга. Они ведь заключают брачный союз на всю жизнь.

– Если бы Притчард узнал о пропаже одного ворона, он бы отправился на его поиски?

– Более чем вероятно. Вороны редко сбегают, но когда такое случается, это вызывает беспокойство. Особенно ночью. В это время здесь больше хищников.

– Как долго Притчард присматривал за воронами? – спросил Генри.

В этот момент солнечный свет пробился сквозь плотную пелену облаков, и его лучи упали на черные перья птицы, окрасив их в радужные цвета – зеленые, синие и фиолетовые, – отчего было трудно не смотреть на них с восхищением.

– Пять лет. Он хорошо изучил их повадки. Птицы будут скучать по нему.

– А почему они здесь остаются?

– У всех подрезаны крылья. – Дэниелс провел пальцем по подбородку, потирая место, похожее на синяк. – Мы постоянно держим здесь шестерых. Согласно легенде.

– Ах да. А иначе падет королевство или что-то в этом роде.

Генри слышал об этом поверье раньше, но не придавал ему особого значения.

– Люди суеверны, особенно члены королевской семьи. Если бы что-то случилось с воронами Тауэра, многие сочли бы это дурным предзнаменованием для всей Англии.

Генри мысленно спросил себя, верил ли в это Притчард.

– Сообщал ли Притчард о каких-либо тревогах? О чем-либо, что его беспокоило?

Дэниелс довольно долго обдумывал заданный вопрос, словно пытаясь вспомнить о чем-то.

– Не особенно. С другой стороны, он всегда был чем-то недоволен. Ему не нравилось, когда посетители Тауэра мешали ему выполнять свои обязанности.

Генри похлопал себя по карману, дабы убедиться, что полез в нужный, и вытащил влажный носовой платок кроваво-красного цвета.

– А он носил с собой кусочки мяса?

Дэниелс нахмурился, глядя на носовой платок, который Генри развернул, чтобы показать ему содержимое.

– Нет. Чаще всего мы даем воронам освежеванных кроликов, ну и, конечно, крыс. По возможности, мы стараемся, чтобы птицы получали натуральный корм. Еще даем свиные сердца, рыбу, печеньку и тому подобное. Мы не нарезаем продукты на такие мелкие кусочки, как мясо у вас в свертке.

Разочарованный тем, что не получил объяснения по поводу влажного свертка, который с каждой минутой становился все более неприятным на ощупь, Генри снова сложил платок и убрал в карман, все еще убежденный, что мясо – это важная улика.

– Похоже, у вас синяк.

Генри постучал себя по подбородку, чтобы подчеркнуть значимость своего замечания, вспомнив о ссадинах на костяшках пальцев Притчарда.

– Что с вами случилось?

Дэниелс покачал головой.

– Перебрал с выпивкой прошлой ночью, затеял жаркий спор с приятелем, и мы обменялись парой ударов кулаками. Ничего серьезного.

Генри кивнул, давая понять, что объяснение пока что его удовлетворило. Он снова окинул взглядом территорию Тауэра, все еще надеясь увидеть дочку Притчарда, хотя и сомневался, что узнает ее. На данный момент он оставил эту задачу Уоллесу, поскольку тот знал и это место, и девочку.

Тем временем Генри старался опросить как можно больше людей. Флетчер занялся тем же самым. Всегда оставался шанс, что подозреваемый жил в Тауэре или кто-то что-то видел. Он предварительно осмотрел скромное жилище Притчарда, но еще не изучил его досконально. На первый взгляд там все было на своих местах.

Генри поблагодарил Дэниелса за уделенное ему время, когда рослый стражник представил его другому йомену-стражнику. Он сделал несколько замечок во время разговора с этим человеком и еще с одним после этого. К сожалению, эти беседы мало чем отличались от тех, что у него уже состоялись.

Нет, они не знали, кто мог желать смерти Притчарду. Смотритель воронов был тихим и замкнутым человеком. Нет, они ничего не видели и прошлой ночью находились дома, в своих постелях. Нет, они не знали, где может быть его дочка.

Однако стоило только оглянуться вокруг, чтобы увидеть, сколько в Тауэре было укромных мест, где могла бы спрятаться маленькая девочка, знакомая с окрестностями замка.

Затем Генри представили Майклу Блэкуэллу, который управлял Арсеналом в Тауэре. У хорошо одетого джентльмена были борода и темные волосы, тронутые сединой на висках, и говорил он вежливым тоном. Он довольно безразлично отреагировал на смерть смотрителя воронов. Генри задал ему те же вопросы, что и другим, и тщательно записал его ответы.

После этого Генри приступил к допросу других стражников. Следующий собеседник, Питерсон, был не на шутку возмущен вопросами Генри. Очевидно, его рассердило то, что убийство одного из них расследовал не местный констебль, а «посторонний». Генри проигнорировал его враждебное отношение. Констеблем Тауэра обычно назначали старшего армейского офицера, который, впрочем, не имел опыта в уголовных расследованиях. Несколько десятилетиями ранее эту должность занимал герцог Веллингтон. Предложив Питерсону изложить свои претензии старшему йомену-стражнику, он стал допрашивать следующего стражника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.